

Павел Баев

ВИРТУАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вопрос о реальном содержании геополитической конкуренции между Россией и США в Центральной Азии может показаться наивным, а на фоне антагонизма на всем *западном фронте* российской политики – даже злокозненным. Еще до *сигнальной* мюнхенской речи слова о *партнерстве* давались В.В. Путину с видимым трудом, а в течение последнего года его президентства за ними уже явно слышался зубовой скрежет. Решительно ниспровергая модель *однополярного мира*, которая по серьезному академическому счету является абстракцией, несущей минимум смысловой нагрузки, российское руководство в сущности ополчилось на всю систему взаимодействия с Западом, опирающуюся на посылку о наличии массива общих и совпадающих интересов. Уточненные оценки выявили принципиальное расхождение коренных интересов, поэтому *партнеры* обернулись противниками, стремящимися потеснить, подсадить, подорвать или, как минимум, обсчитать.

Выяснение отношений со вновь обретенными неприятелями пошло на языке таких рискованных жестов, как *боевое патрулирование* дальней авиации, но, с точки зрения геополитики, разговор этот был сугубо беспредметным, поскольку продвинуть сферу российского влияния на Запад не представляется возможным хоть Приднестровьем, хоть даже бы и Тузлой. На Кавказе обозначилась пауза, которую залетные ракеты только подчеркивают, а вот в регионе Центральной Азии, которому более привычное название Средняя Азия уже как-то не идет, интрига закручивается тугими узлами, которые мы и попытаемся слегка распустить.

О НИЩЕТЕ ГЕОПОЛИТИКИ И АФГАНСКОМ ПРОКЛЯТИИ

С советских времен геополитика считается наукой сомнительного свойства, но удивительным образом некоторые ее установки, причем именно из наиболее сомнительных, как, например, имманентное стремление великих держав к территориальной экспансии, вошли в набор аксиом, которыми оперирует практическая политика. Африка или Латинская Америка оказались за пределами горизонта геополитики, лишь формально претендующей на глобальность, но Евразия остается ее главным полигоном, несмотря на очевидную абсурдность классического постулата о том, что держава, контролирующая Алтай, Хакассию и Горную Шорию, с неизбежностью становится властелином мира¹.

На протяжении 1990-х гг. Средняя Азия оставалась далеко в стороне от событий, которые формировали политический облик Евразии, будь то балканские войны, ближневосточный мирный процесс или финансовый кризис, поразивший *азиатских тигров* в 1997 г. Даже Москва, осуществив прямую интервенцию в гражданскую войну в Таджикистане и добившись ее окончательного прекращения, не могла вразумительно обосновать эту нелегкую роль наличием осязаемых национальных интересов². Ситуация резко изменилась с наступлением путинско-бушевского десятилетия, и дело было не столько в повышенном

И
И
А
Т
Н
Е
М
М
К

внимании к каспийским нефтегазовым сокровищам (см. Энергетическая политика России в Центральной Азии и на Каспии. *Индекс Безопасности*. 2007, № 3), сколько в немыслимой ранее военной операции США и НАТО в Афганистане.

Появление авиабаз США в Таджикистане и Узбекистане перевернуло все представления о безысходной маргинальности региона, который вдруг оказался в подлинном смысле слова *Центральной Азией* и настоящим эпицентром событий глобального значения. Свидетельство Г.А. Явлинского о почти единодушном предпочтении околоремлевскими политиками варианта с отказом в поддержке США в войне против терроризма представляется вполне достоверным, хотя и не подтверждено никем из *отказников*³. Путинское решение, вынужденное во многом радостной готовностью среднеазиатских лидеров принять американские войска, явно шло вразрез с мнениями, преваляровавшими в его ближнем кругу и обширной свите. Представления о *враждебном кольце баз* переплетались с подозрениями насчет превращения этих баз в центры подготовки спецопераций, ведущих к *цветным революциям*, формируя тревожную картину геополитического отступления⁴.

Памятное *шанхайское предупреждение* о временном характере американского военного присутствия было продиктовано именно этими опасениями проигрыша в острой конкуренции, а *выдворение* базы США из Узбекистана превратилось в триумф российской политики⁵. Характерно, что американские эксперты в области евразийской геополитики резко поставили в упрек администрации Джорджа Буша потерю Узбекистана⁶. Но стойкие геополитические иллюзии мешают трезво оценить, является ли каждый проигрыш США автоматическим выигрышем для России, а призыв очертить пространство для сотрудничества иссяк бесследно⁷.

Если отжать всю воду мутноватых рассуждений о *центрах силы*, *гравитационных полях* и *векторах противоборства* и временно вынести за скобки углеводороды и трубопроводы, то в сухом остатке геополитических построений остается проблема, нерешаемость которой многократно эмпирически доказана, – Афганистан. Напрашивается гипотеза, что этот перекресток горных систем и *жестоковых племен* (по Бродскому) и есть тот самый макиндеровский *пуп земли*, недостижимость контроля над которым и задает непрерывность борьбы за мировое господство. Российские геополитики в мундирах и в штатском сейчас предвкушают предъявление очередного доказательства, напрочь забыв весьма здравые доводы о том, что НАТО взвалил на себя бремя решения проблемы *Талибана*, которую России было не поднять⁸.

Карта 1. Средиземье. Карта из трилогии Джона Толкиена «Властелин колец».

Оставаясь на скучной платформе политического реализма, невозможно найти рациональное зерно в искренней уверенности в том, что поражение НАТО в Афганистане станет безусловной победой России. Масштабы бедствия, которое вырисовывается с возрастающей отчетливостью, могут далеко превзойти ту угрозу, нависавшую над регионом в самом начале путинского президентства, когда Москва пыталась спасти последний оплот Северного Альянса в Паншерской долине и даже обещала авиаудары⁹. Отражать вызовы такой интенсивности у России нет ни желания, ни возможностей, из чего с очевидностью следует целесообразность поддержки усилий НАТО по стабилизации режима, который, как ни парадоксально, является самым демократичным во всем обширном регионе. Поэтому сегодняшний курс состоит из зондирования возможности подсунуть НАТО в качестве партнера сюрреалистическую Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и намеков на вероятное решение о ликвидации ключевой базы США в Манасе¹⁰. Прагматизма в такой политике нет ни на грош, но ожидание того, что *афганское проклятие* ударит по НАТО посильнее, чем *ресурсное проклятие* по России, по-человечески понятно.

ОБ АВТОРИТАРНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И РАЗВАЛИВАЮЩЕЙСЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Решительное усиление в политике США увязывания национальных интересов с распространением демократии с начала второго президентского срока Джорджа Буша на фоне триумфа *оранжевой революции* привело к появлению самостоятельного фронта в Центральной Азии, на котором обе *противоборствующие* державы не только изображали, но и видели друг друга в искривленной перспективе. Из Вашингтона политика Москвы виделась неоимперским контрнаступлением, сопровождаемым выкорчевыванием всех робких ростков институтов гражданского общества. Кремль, медленно отходя от *украинского шока*, был уверен в осуществлении серии *спецопераций* США, нацеленных на подрыв влияния России путем устранения ее союзников.

На деле объективное расхождение политических интересов совсем не обязательно вело к их столкновению, поскольку обе *высокие конфликтующие стороны* во главу угла ставили стабильность. Руководство США настаивало на том, что в среднесрочной перспективе стабильность может быть обеспечена только путем постепенного проведения демократических реформ, тогда как Россия ориентировалась преимущественно на ближайшую перспективу и видела стабильность как укрепление правящих режимов.

Общий знаменатель, таким образом, наличествовал, но разногласия не сводились к вопросу о том, что лучше: «мелкие, по три рубля – и сегодня» или «крупные, по пять – но послезавтра». Для Вашингтона стабилизация через демократизацию давала единственную надежду выбраться из трясины ближневосточных конфликтов, а для Москвы авторитарная стабилизация была доказательством верности собственного курса и жизнеспособности *путинизма*. Оба подхода содержали немалый элемент риска, поскольку демократизация в краткосрочной перспективе может вызывать резкие кризисы, как, например, в Палестине в результате победы на выборах радикалов из ХАМАС, тогда как коррумпированный деспотизм ведет к аккумуляции протеста и неожиданным взрывам недовольства, причем не только в среднесрочной перспективе, но и в реальном времени¹¹. Москве в таких закономерных, но непредсказуемых системных срывах удобно было видеть и разоблачать козни *демократизаторов*, но в целом достаточно очевидно, что ее контрреволюционный курс оказался результативным превыше всех ожиданий¹².

Вашингтону пришлось вносить коррективы и успокаивать взволнованных *авторитариев* правильной ориентации, от Хосни Мубарака до И.А. Алиева, что никаких революций больше не предвидится. Важным рубежом в этой коррекции стал вояж вице-президента США Дика Чейни, который в Вильнюсе строго предупредил Россию о пагубности свертывания демократии, а в Астане заверил Н.А. Назарбаева, что никаких претензий к качеству его демократии в Вашингтоне нет. Нет необходимости возвращаться к тому, как *товарищу волку* был дан отпор по всем суловским канонам, но, возможно, есть смысл напомнить об уточнении Майкла Макфола, что применение двойных стандартов «не означает, что побуждение к демократии всего лишь камуфляж для *настоящих* американских интересов. Наоборот, два импульса – моральный и материальный – вот уже

С материалами по энергетической безопасности в Центральной Азии Вы также можете ознакомиться в разделе «Проекты – Центральная Азия» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/centralasia>

200 лет не очень уютно сосуществуют в американской внешней политике»¹³. Можно привести и мнение, высказанное *The New York Times*: «И как бы лицемерно ни выглядел Чейни, поучая кого бы то ни было о правах человека, как раз перед визитом в Казахстан, где он обхаживал прези-

дента Назарбаева, едва ли являющегося образцом добродетели, – это не значит, что он был не прав»¹⁴.

Во время как позиция США становилась более гибкой (по мере того как идеологизированные *неокконы* сдавали свои позиции), в политике России, напротив, нарастали элементы жесткости и *принципиального* антиамериканизма. Вместо того, чтобы спокойно разобраться в причинах *тюльпановой* квази-революции в Киргизстане весной 2005 г., к которой ни администрация США, ни *вечные подозреваемые* из международных неправительственных организаций не имели даже косвенного отношения, Москва просто сбросила ее со счетов как *недоразумение* и перестала обращать внимание на дальнейшие спазмы политического кризиса в этой стране¹⁵. Ставка была сделана на закрепление политической солидарности на уровне *самодержцев* путем культивирования системы диалогов, неизменно замыкающихся на Москву, в которых проблемы демократизации, прав человека и тому подобной *бестактности* отсутствовали в принципе. Ни малейшего отклика не находили предыдущие эксперты о том, что «поддержка лиц, которые сейчас находятся у власти, – это не стабилизация. Это просто поддержание *статус-кво* и не более того»¹⁶. Между тем ситуационные успехи такого курса с неизбежностью оказываются преходящими.

Как только тот или иной *суверенный султан* начинал чувствовать себя хозяином положения, опека России становилась ему в тягость, тем более что особых экономических выгод она не сулила. Так, таджикский президент Э.Ш. Рахмонов, обязанный Москве каждым гвоздем своего трона, ничтоже сумняшеся разорвал контракт на возведение Рогунской ГЭС, который был символом возвращения России в Центральную Азию¹⁷. Такая неуправляемость союзников, казалось бы, накрепко привязанных многочисленными оргструктурами, каждый раз оказывается сюрпризом для российского руководства, которое предпочитает не обращать внимания на постепенное превращение Таджикистана в наркотранзитное государство¹⁸.

Еще менее управляемыми оказываются риски, связанные с нарастанием общественного протеста против авторитарного стиля правления, который эволюционирует в направлении грубого произвола и создает почву для роста экстремизма различных оттенков. *Андижанские события* мая 2005 г. хотя и не получили продолжения, но оставили мало места для сомнений в глубоком кризисе, развивающемся в Узбекистане¹⁹. Киргизия фактически переживает распад государственности, усугубляемый расцветом наркобизнеса, что не находит ни конкретного отклика, ни хотя бы серьезного внимания в Москве, предпочитающей делать вид, что речь идет о клановых *разборках*. Вполне вероятная вспышка возмущения крайне вялой детуркменбашизацией в Туркменистане, несомненно, взволнует *газоозабоченный* Кремль куда больше, но реальных рычагов влияния от этих волнений не возникнет.

Суть проблемы заключается в том, что, претендуя на роль регионального гаранта безопасности, Россия не имеет ни возможностей ее эффективно сыграть в случае подлинной необходимости, ни желания нести обременительную ответственность за судьбу дружественных тиранов, ни хотя бы понимания проблем, стоящих перед обществами постсоветских *станов*, попавших в тупик авторитарной стагнации. Аккуратное взаимодействие с США и ЕС могло бы разрядить многие отчетливо тикающие социальные *фугасы* в Центральной Азии, как, например, оскудение водных ресурсов или упадок системы образования, но Москве выдавливание западных конкурентов представляется более выигрышным вариантом. Успехи здесь действительно налицо, но победное шествие может обернуться прогулкой по минному полю той же самой Ферганской долины, которая является историческим сердцем и демографическим ядром региона, но оказалась в то же время проблемной периферией для трех далеко не состоявшихся госпроектов. Такая идеологическая зашоренность Кремля и его политокрестностей остается труднообъяснимой, но подводит к определенному выводу.

О ТЩЕТЕ И СУЕТЕ ШАНХАЙСТВА

Вопрос о том, может ли Китай быть главным стратегическим партнером России в Центральной Азии, требует отдельного обстоятельного разговора, но анализ надуманных и искусственно нагроможденных противоречий между Москвой и Вашингтоном подводит к варианту ответа в духе товарища Сухова: «Это вряд ли». Нет необходимости излагать официальную версию образцового сотрудничества, которую В.В. Путин еще летом 2006 г. ярко развернул для Валдайского клуба политологов²⁰. Но даже невооруженным взглядом западника видно, что версия эта вызывает сомнения даже у тех специалистов, которые по идее должны бы были ее творчески развивать. Так, А.В. Лукин, с удовлетворением отмечая, что «политические позиции США в Центральной Азии, в особенности после осложнения их отношений с Узбекистаном, значительно подорваны», признает необходимость «направлять экономическую активность Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в более конструктивное русло, разъясняя преимущества широкого и комплексного подхода к экономическому сотрудничеству, который в большей степени отвечал бы общим интересам»²¹. Выполнимость таких рекомендаций, мягко говоря, проблематична, но характерно, что ощущение неблагоприятности в отношениях с Китаем усиливается не только среди маргинальных либералов и патриотов с геополитическими устремлениями, но и в *правоверном политическом мейнстриме*²².

Главным источником этих ощущений выступает, естественно, каспийский газ, который объективно является первой позицией российских интересов. Пуск маломощного нефтепровода из Казахстана (Атасу – Алашанькоу) можно было игнорировать, но прорыв Китая в Туркменистан минувшим летом стал ударом куда более весомым, чем все транскаспийские и транскаспийские прожекты, конструируемые в Вашингтоне. Помимо газопровода, Китай получил прямой доступ к добыче газа на новых месторождениях, чего Газпром за все время привилегированного партнерства добиться не смог и о чем В.В. Путин лишь в самых общих и ни к чему не обязывающих словах договаривался в мае – и не вышел на продолжение разговора в сентябре²³. Шанхайский энергетический клуб оказался для Китая зоной наибольшего благоприствования в инвестпроектах.

Неоднозначная ситуация вырисовывается и в сфере безопасности, где беспрецедентные военные учения «Мирная миссия-2007» должны были продемонстрировать готовность к совместному отпору *экстремистам*, которые действовали по сценарию, на удивление похожему на вторжение в Дагестан летом 1999 г.²⁴ Китай при этом хотел развернуть больше тяжелой техники, но Москва решила, что советский размах ей пока не по плечу, однако российское пожелание привлечь к учениям ОДКБ не нашло понимания в Пекине. Разногласия могут показаться *техническими*, но за ними стоит отсутствие реальной готовности к совместному воспроизведению той памятной путинской победы в горах или пустынях Центральной Азии. Китай при этом показал, что готов идти намного дальше России в осуществлении миссий, далеких от мира, против тех, кого дружественные ханы решат назначить экстремистами. Москву явно пугает перспектива миротворческой интервенции в Киргизии, подобной успешной, но крайне тяжелой и в сущности безвыигрышной операции в Таджикистане, тогда как Пекин вполне в состоянии навести там *синьцзянский порядок*.

Укрепление Китая выглядит неостановимым, и действительно намного полезнее иметь его в союзниках и двигаться вместе, чем пытаться ему противостоять и строить редуты сдерживания. Важно только по привычке не уверовать в собственную пропаганду и не упускать из вида кардинальное расхождение интересов, в первую очередь энергетических. Важно также осознавать, что курс на доминирование, подразумевающий жесткую привязку центральноазиатских стран к России, идет вразрез с их национальными интересами, требующими избегать односторонней зависимости²⁵.

Примечания

¹ Блестящий анализ современных течений в геополитике Евразии можно найти в статье Kotkin Stephen. Mongol Commonwealth: Exchange and Governance Across the Post-Mongol Space. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8, № 3, Summer. P. 487–531.

² Толковый *разбор полетов* сделан в работе Jonson Lena. The Tajik War: A challenge to Russian Policy. *Discussion Paper 74*, London: Royal Institute of International Affairs. 1998, March.

- ³ Явлинский Г. А. Дверь в Европу находится в Вашингтоне. *Общая Газета*. 2002, 16 мая.
- ⁴ Примером может служить хотя бы статья Соловьев Вадим, Иванов Владимир. Военно-базовая удавка: США по-прежнему стремятся окружить Россию по периметру. *Независимое Военное Обозрение*. 2004, 27 февраля. Взвешенная оценка попыток Москвы восстановить свое влияние дана в статье Roy Allison. Strategic Reassertion in Russia's Central Asia Policy. *International Affairs*. 2004. Vol. 80, № 2, March. P. 277–293.
- ⁵ Плугатарев Игорь. Возвращение блудного Узбекистана. *Независимое Военное Обозрение*. 2006, 15 сентября.
- ⁶ Daly John, Meppen Kurt, Socor Vladimir and Starr Frederick. Anatomy of a Crisis: US-Uzbekistan Relations, 2001–2005. *Silk Road Paper*, Washington: Johns Hopkins University SAIS, 2006, February.
- ⁷ Trenin Dmitri. Southern Watch: Russia's Policy in Central Asia. *Journal of International Affairs*. 2003. Vol. 56, № 2. Spring. P. 119–131.
- ⁸ Овчинский Владимир. Афганистан без коалиции. *Россия в Глобальной Политике*. 2007, январь – февраль. С. 27–34.
- ⁹ Михайлов Андрей, Сокут Сергей, Горностаев Дмитрий. Талибов достать будет трудно. *Независимая Газета*. 2000, 24 мая.
- ¹⁰ Верхотуров Дмитрий. Другой Афганистан. *Эксперт*. 2007. № 22, 11 июня; Bruusgaard Kristin Ven and Jeppesen Morten. The Unrealistic Case of NATO-CSTO Cooperation: Explanations and Prospects. *FFI Report*. Oslo. 2007, June.
- ¹¹ Сжатый анализ этих рисков дает Георгий Дерлугьян в статье «Нальчик как российский Андижан». *Известия*. 2005, 18 октября.
- ¹² Baev Pavel. Turning Counter-Terrorism Into Counter-Revolution: Russia Focuses on Kazakhstan and Engages Turkmenistan. *European Security*. 2006. Vol. 15, № 1, March. P. 3–22.
- ¹³ Макфол Майкл. Конец партнерства: Что хотел сказать Дик Чейни вильнюсской речью. *Коммерсант*. 2006, 11 мая.
- ¹⁴ Criticizing Russia with Good Reason. *New York Times*. 2006, July 1–2.
- ¹⁵ Содержательный анализ этого кризиса можно найти в работе Marat Erika. *The Tulip Revolution: Kyrgyzstan One Year After*. Washington: Jamestown Foundation, 2006.
- ¹⁶ Натаров Евгений. С любовью без России. *Газета.ру*. 2007, 6 сентября. http://www.gazeta.ru/comments/2007/09/06_x_2132267.shtml (последнее посещение – 16 января 2008 г.).
- ¹⁷ Без России, без Дерипаски. *Эксперт*. 2007, 3 сентября. № 32.
- ¹⁸ Эта тенденция проанализирована в статье Cornell Svante. The Narcotics Threat in Greater Central Asia: From Crime-Terror Nexus to State Infiltration. *The China and Eurasia Forum*. 2006, February. P. 37–68.
- ¹⁹ Об этом подробно свидетельствует последний из серии докладов по Узбекистану, подготовленной Международной Кризисной Группой, см. *Uzbekistan: Stagnation and Uncertainty. Asia Briefing No. 67*. Brussels: International Crisis Group. 2007, 22 August <http://www.crisisgroup.org/home/index.cfm?id=5027&l=3> (последнее посещение – 16 января 2008 г.).
- ²⁰ Николай Злобин, впрочем, усомнился: «Но вообще мне показалось, что восточное направление для Путина – вторичное по сравнению с европейским». См.: Искендеров Петр. Путин – нетипичный политик. *Время Новостей*. 2006, 11 сентября.
- ²¹ Лукин Александр. Шанхайская организация сотрудничества: что дальше? *Россия в Глобальной Политике*. 2007, май – июнь. С. 92.
- ²² Любопытный диалог на эту тему ведут Дмитрий Тренин и Виталий Цыгичко в статье «Китай для России: товарищ или господин?». *Индекс Безопасности*. 2007, № 2. С. 147–156.
- ²³ Кокшаров Александр. Голубая мечта Гурбангулы. *Эксперт Online*. 2007, 20 июля; Мирзаян Геворг. Энергетическое яблоко раздора. *Эксперт Online*. 2007, 27 июля.
- ²⁴ Литовкин Дмитрий. Бросок на Чебаркуль. *Независимое Военное Обозрение*. 2007, 3 августа.
- ²⁵ Данный материал подготовлен в рамках проекта ПИР-Центра «Стратегические риски и вызовы в Центральной Азии», который осуществлялся в 2007 г. при финансовом содействии Посольства Швейцарской Конфедерации в Российской Федерации.